

Сяо Цичэнь на мгновение встретился взглядом с Су Янем, но тут же отвернулся. Ему было не по себе, он не мог спокойно изложить свои планы. В груди стало тяжело, дыхание участилось, но он сжал ладонь и сохранил внешнее спокойствие.

«Да, — холодно сказал он. — Я сказал Цюси, что ей придётся выбрать между её князем и сестрой. Обвинение в отравлении наследника слишком серьезно. Если она прямо скажет, что это дело рук моего брата, её сестра, возможно, выживет».

Увидев, что Су Янь не может найти слов, Сяо Цичэнь слегка улыбнулся: «Что, Аянь, не привык? Это то, что они заслужили. Разве есть что-то, что вызывает сочувствие или сожаление?»

Су Янь молчал.

Улыбка Сяо Цичэня медленно исчезла, и его лицо снова стало непроницаемым: «Аянь, если бы я, как ты, сочувствовал всем слабым и постоянно колебался, сколько бы я прожил?»

Его слова звучали резко, но были искренними.

Сяо Цичэнь в последнее время находился в центре внимания. Чем больше император ценил его, тем больше старший брат видел в нём угрозу. В глубинах дворца было множество жизней, готовых пожертвовать собой ради выгоды и отправить его к предкам.

Он совсем не хотел становиться вторым Сяо Ципином.

Утренний свет в начале зимы был холодным. Сяо Цичэнь стоял перед ним, его тень тянулась далеко.

Су Янь, наконец, сдался и опустил голову: «...Отец говорил, что я слишком мягкосердечен. Я просто не признавал этого».

Едва он смягчился, Сяо Цичэнь сразу почувствовал, что был слишком резок, и добавил: «Я не думаю, что с тобой что-то не так... Аянь, я считал, мы с тобой на одной волне, и это даже нельзя назвать жертвой».

Казалось, всё успокоилось, но в словах Сяо Цичэня всё же сквозило пренебрежение, что снова задело Су Яня. Почему он говорил об этом так, будто это не человеческие жизни?

Обычно Су Янь просто делал вид, что не замечает, не соглашаясь, но и не возражая. Он знал, что Сяо Цичэнь часто бывает резким — возможно, не думая так на самом деле, но ему нужно было сказать что-то колкое, чтобы почувствовать себя лучше. Однако сегодня он словно съел что-то не то, не хотел игнорировать, и каждая его фраза была наполнена яростью.

«Хорошо, "жертва"? — усмехнулся Су Янь. — Ваше высочество, вы всё ещё слишком узко смотрите на вещи. Это действительно не жертва — это ставка на чужие чувства. Будь у вас близкий человек, вы бы поняли, что это не просто чужая игра, которая вас не касается. Как вы думаете, что подумают другие, узнав, насколько вы холодны?»

Последний вопрос прозвучал почти как оскорбление. Сяо Цичэнь не смог сдержать вспышки гнева: «Су Янь, что ты имеешь в виду? Ты думаешь, я использовал её? Да, я использовал, но ради старшего брата Пи—»

«Хватит, ваше высочество. Вы сделали это ради себя».

«Ты—»

«Разве я не прав?»

Голос Су Яня был тихим, но слова прозвучали как гром. Сяо Цичэнь почувствовал, как дыхание сбивается, а в груди всё сжимается, едва не лишая сил.

Он знал, что эти дела не для публики, и говорить о них было позорно, но если цель достигнута, разве не всё равно, кого он шантажировал или использовал?

Но теперь, когда результат был близок, самый доверенный человек, его ближайший друг, обвинял его в эгоизме и бессердечии?

Сяо Цичэнь опёрся на стену, чтобы восстановить контроль, и сквозь зубы произнёс: «Су Янь, с тех пор как мы поговорили в Тереме туманного дождя, ты должен был понять: я больше не тот ребёнок, который бегал за наследником за сладостями. У меня есть свои цели. Ты не можешь быть жёстким, а я могу. Если в твоих глазах это делает меня бессердечным, мне нечего сказать».

Услышав это, Су Янь вдруг с горькой иронией подумал: «Сяо Цичэнь и Сяо Циюй действительно братья. Одинаково жестокие».

«Да, я не понимаю чувств, но знаю, как использовать их ценность».

С каждым его словом выражение лица Су Яня становилось всё более странным. Когда последняя фраза была произнесена, он почувствовал, как что-то внутри него с треском разламывается.

Он думал, что Сяо Цичэнь хотя бы к нему был искренен, но теперь понял: для того все люди и вещи — лишь инструменты.

Сегодня это была любовь Цюси к Сяо Циюю, преданность Хань Гуана к Сяо Ципину. Когда же настанет его черёд? Те нежные слова, написанные чернилами на бумаге — «будем друзьями навеки» — вдруг превратились в жалкую, наивную шутку.

Су Янь покачал головой: «...Ачэнь, ты разочаровал меня».

Сяо Цичэнь прямо спросил: «Потому что я не ценю чувства?»

Су Янь молчал, сжимая меч у пояса. Сердце его было в смятении, а дыхание становилось всё тяжелее.

«Потому что меня никто не учил, и во дворце меня никто не любил, — Сяо Цичэнь, казалось, вспомнил что-то, и в его глазах мелькнул свет. — Тот, кто больше всего любил меня, давно ушёл. Как я могу понять?»

Он произнёс эти слова, словно вырывая их из зубов, быстро вытер лицо и, не оглядываясь, ушёл. Тяньхуэй поспешил за ним. Он оставил Су Яня в переулке, где ветви голых деревьев отбрасывали на пыльную землю причудливые, разорванные тени.

На этот раз Сяо Цичэнь не обернулся, и Су Янь не окликнул его.

Тридцатая зима правления Туннин. С тех пор, как у наследника престола Сяо Ципина начались проблемы со зрением, минуло уже более пяти лет. Дело вызвало множество слухов и теорий

заговора, но в итоге всё закончилось ничем. Кто бы мог подумать, что дело, казалось бы забытое, вдруг получит новый поворот.

Женщина, назвавшая себя наложницей князя Чжао Сяо Циюя, выступила с обвинениями. Настоящим преступником оказалась не таинственно умершая в тюрьме служанка, а Ваньцин, которая много лет служила наследнику престола. Когда судебные чиновники пришли за ней, Ваньцин даже держала в руках поднос с только что выглаженной одеждой.

Лекари из императорской лечебницы, как всегда, опоздали. Лишь после того, как Ваньцин доставили в суд, они отправились в пустующий Восточный дворец, чтобы забрать ту самую загадочную Древесную Гуаньинь. После нескольких недель исследований они наконец пришли к выводу.

Древесная Гуаньинь и красный сандал сами по себе не ядовиты, но, находясь вместе, могут вызывать у человека потерю функций органов.

При наличии всех доказательств дело было представлено императору, и правда наконец вышла наружу.

Дело было сложным, и его рассмотрение заняло почти месяц. Ваньцин содержали под строгим надзором, но она продолжала отрицать, что действовала по приказу князя Чжао, утверждая, что всё это было её собственной инициативой. Судебное ведомство не смогло добиться большего и передало дело на рассмотрение императору.

Императорская политика требует баланса, а утраченное уже не вернуть.

Поскольку дело касалось принцев, никто не мог проявить халатность. Как наказать князя Чжао? Как возместить ущерб князю Чу? Две фракции чиновников наконец смогли открыто вступить в схватку, каждая сторона жаждала боя.

В Чертоге Великого Предела каждый день шли жаркие споры, не прекращавшиеся весь зимний месяц. Сяо Янь махнул рукой и под предлогом празднования Нового года отправил всех домой, сам же остался в Тайчэне. Новый год прошёл без пышных торжеств — императрица отправилась в резиденцию князя Чу, где рыдала перед сыном, а Сяо Янь остался во дворце, проведя безрадостный праздник.

Узнав, что Сяо Цичэнь в первый день Нового года отправился в храм Чанлу, чтобы зажечь вечный светильник в память о покойной матери, Сяо Янь вдруг подумал: из трёх сыновей Сяо Циюя был поглощён политикой, и его разговоры с наложницей Ли всегда сводились к «наследнику престола». Сяо Ципин был далёк от мирских дел, и его отношения с императрицей постепенно охладели. Лишь младший сын... казалось, сохранил немного сыновней почтительности.

С наступлением весны рассмотрение дела продолжилось.

Ваньцин была приговорена к смерти.

После вынесения приговора Сяо Ципин дважды просил заменить казнь на ссылку в Ючжоу, но после резкой отповеди Сяо Яня замолчал. По закону она должна была содержаться в тюрьме до осени, когда её казнили бы вместе с другими осуждёнными. Её сестра Цюси также была замешана, но, в отличие от Ваньцин, её спасла она сама.

Цюси была беременна. Ребёнок, естественно, был от князя Чжао — носитель императорской

крови.

Сяо Циюй поспешил написать доклад, заявив, что готов принять любое наказание, лишь бы не пострадала Цюси, — что показывало: в нём всё же оставались какие-то чувства. Цюси пробыла под стражей несколько дней для виду, а затем её доставили в его усадьбу, где о ней стали хорошо заботиться.

<http://bllate.org/book/15940/1425063>